Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 1 (29).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (29), 2025.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0+821.111.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)+83.3(4Вел)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-1-89-122
https://elibrary.ru/RPHXCI

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2025. Альбина Бессонова
Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Россия

Пушкин и Вальтер Скотт в круге детского чтения Достоевского

© 2025. Albina S. Bessonova
State University of Humanities and Social Studies, Kolomna, Russia

Pushkin and Walter Scott in the Context of Dostoevsky's Child's Readings

Информация об авторе: Альбина Станиславовна Бессонова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный социально-гуманитарный университет, ул. Зеленая, д. 30, 140410 г. Коломна, Московская область, Россия.

https://orcid.org/0000-0002-2925-3162
E-mail: abessonova13@mail.ru

Благодарности: Исследование выполнено в Государственном социально-гуманитарном университете (ГСГУ) при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-28-00699 («Новое о Достоевском: реконструкция ранней биографии и творчества в междисциплинарном исследовании», https://rscf.ru/project/ 23-28-00699/).

Аннотация: Статья предлагает попытку реконструкции круга детского чтения Ф.М. Достоевского, идейными центрами которого выступают произведения А.С. Пушкина и Вальтера Скотта. Отправной точкой в исследовании стали эго-документы — «Воспоминания» А.М. Достоевского, младшего брата писателя, и автобиографические высказывания Ф.М. Достоевского в публицистике и письмах. Анализ публикационной деятельности Пушкина и переводческой практики в России первой трети XIX века, когда русские читатели знакомились с романами Вальтера Скотта, позволяет предположить, что́ и как мог прочитать Достоевский в ранние годы. Основными источниками его знакомства с творчеством Пушкина в родительском доме были прижизненные публикации

произведений поэта в «Библиотеке для чтения» О.И. Сенковского и отдельные издания прозы (в первую очередь «Повестей Белкина», 1831), а после поступления в Главное инженерное училище в Петербурге — посмертное Собрание сочинений А.С. Пушкина в 11 томах (1838–1841). Поэтический «поединок» братьев Достоевских, в котором Федор Михайлович декламировал «Песнь о вещем Олеге», позволяет предполагать, что Достоевский уже в ранние годы отдавал предпочтение сочинениям Пушкина историко-национальной тематики, что принесло свои плоды в зрелом творчестве Достоевского, осмыслявшего место Пушкина во «всечеловеческом» масштабе.

«Весь Вальтер Скотт», которого Достоевский прочитал в 12-летнем возрасте, был в 1830-е годы представлен русскими переводами преимущественно с французского языка. Несмотря на «тяжелый и старинный перевод», юный Достоевский неоднократно перечитывал романы «Квентин Дорвард» и «Уэверли», что говорит о его раннем интересе к проблемам нравственного становления личности, вопросам чести и совести. «Чувство семейственности» как отличительная черта произведений Вальтера Скотта в творчестве Достоевского получает фундаментальное обоснование и расширяется до понятия объединяющей идеи, связующей семью и общество. «Высокое воспитательное значение» Вальтера Скотта носит для Достоевского не умозрительный, а сугубо личностный характер: с прочитанным в детстве он соотносил собственные поступки, и Вальтер Скотт выступал здесь нравственным ориентиром. «Всеотзывчивость», открытая Достоевским в Пушкине, была свойственна и ему самому, а истоки ее — в детских читательских впечатлениях.

Ключевые слова: Достоевский, Пушкин, Вальтер Скотт, детская библиотека писателя, творческий генезис.

Для цитирования: *Бессонова А.С.* Пушкин и Вальтер Скотт в круге детского чтения Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. № 1 (29). 2025. С. 89–122. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-1-89-122

Information about the author: Albina S. Bessonova, PhD in Philology, Leading research fellow, Kolomna State University of Humanities and Social Studies, Zelenaya st., 30, 140410 Kolomna, Russia.

https://orcid.org/0000-0002-2925-3162.

E-mail: abessonova13@mail.ru

Acknowledgments: The study was carried out at the State University of Humanities and Social Studies with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) according to research project no. 23-28-00699.

Abstract: The article is an attempt to reconstruct the context of Dostoevsky's child's readings, the ideological centers of which were the works by Pushkin and Walter Scott. The starting point in the study is ego-documents: the "Memoirs" of A.M. Dostoevsky, the writer's younger brother, and Dostoevsky's autobiographical statements in journal articles and letters. An analysis of Pushkin's publishing activities and translation practice in Russia in the first third of the 19th century, when Russian readers got acquainted with the novels of Walter Scott, suggests that Dostoevsky could have read in his early years and how. The main sources of his acquaintance

with Pushkin's work in his parents' house were the lifetime publications of the poet's works in the "Library for Reading" by O.I. Senkovsky and individual editions of prose (primarily *The Belkin's Tales*, 1831), and after admission to the Main Engineering College in St. Petersburg a posthumous Collection of works by A.S. Pushkin in 11 volumes (1838–1841). The poetic "duel" of the Dostoevsky brothers, in which Fyodor Mikhailovich recited "The Song of Prophetic Oleg," suggests that Dostoevsky already in his early years preferred Pushkin's works of historical and national themes, which bore fruit in the mature work of Dostoevsky, who comprehended Pushkin's place on a "universal" scale. "The Whole Walter Scott," which Dostoevsky read at the age of 12, was presented in the 1830s with Russian translations mainly from French. Despite the "heavy and ancient translation" the young Dostoevsky repeatedly reread the novels *Quentin Durward* and *Waverley*, which indicates his early interest in the problems of moral formation of personality, issues of honor and conscience. The "sense of family" as a distinctive feature of the works of Walter Scott in Dostoevsky's work receives a fundamental justification and expands to the concept of a unifying idea connecting family and society. For Dostoevsky, the "high educational significance" of Walter Scott is not speculative, but purely personal in nature: he correlated his own actions with what he read in childhood, and Walter Scott acted as a moral guide here. The "all-responsiveness" that Dostoevsky found in Pushkin was unique to him as well, originating from the impressions formed during his childhood reading.

Keywords: Dostoevsky, Pushkin, Walter Scott, writer's child's library, genesis of art.

For citation: Bessonova, A.S. "Pushkin and Walter Scott in the Context of Dostoevsky's Child's Readings." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (29), 2025, pp. 89–122. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-1-89-122

Среди впечатлений детства — ключевого формирующего фактора в концепции личности по Достоевскому — круг детского чтения имеет важнейшее значение. Произведения Пушкина и Вальтера Скотта в детские и отроческие годы Достоевского занимали особое место. В нашей статье предпринята попытка реконструировать читательские впечатления будущего писателя, творчество которого во многом стало развитием и углублением пушкинских идей, а романы Вальтера Скотта к тому же оказали сильное влияние на личность Достоевского.

Вопрос творческих параллелей «Достоевский и Пушкин», «Достоевский и Вальтер Скотт» всесторонне изучен в работах литературоведов. Основное внимание при этом уделяется идеям вальтер-скоттовского историзма и пушкинского гуманизма, концепции героя у Вальтера Скотта, повлиявшей на героев-мечтателей в романах Достоевского 1840-х годов [Дрыжакова, 2008, 2010],

[Жилякова, 2014a, 2014b, 2023], роли пушкинских цитат, аллюзий, реминисценций, а также его изданий в произведениях Достоевского [Касаткина, 1998, 1999, 2024], концептуальному осмыслению им пушкинского наследия [Бем, 2001], [Бочаров, 1999], [Викторович, 2018, 2024] либо творческому взаимодействию [Степанян-Румянцева, 2020]. Что именно и как было прочитано Достоевским в 1830-е, до начала писательского творчества, — задача нашего исследования. Соседство имен в данном случае обусловлено читательскими предпочтениями юного Достоевского, что зафиксировано в мемуарах младшего брата писателя.

«Пушкин тогда был еще современник...»

Андрей Михайлович Достоевский, характеризуя круг чтения старших братьев, вспоминал:

> Вообще брат Федя более читал сочинения исторические, серьезные, а также и попадавшиеся романы. Брат же Михаил любил поэзию и сам пописывал стихи, бывши в старшем классе пансиона (чем брат Федор не занимался). Но на Пушкине они мирились, и оба, кажется, и тогда чуть не всего знали наизусть, конечно, только то, что попадалось им в руки, так как полного собрания сочинений Пушкина тогда еще не было. Надо припомнить, что Пушкин тогда был еще современник. Об нем, как о современном поэте, мало говорилось еще с кафедры; произведения его еще не заучивались наизусть по требованию преподавателей. Авторитетность Пушкина, как поэта, была тогда менее авторитетности Жуковского даже между преподавателями словесности; она была менее и во мнении наших родителей, что вызывало неоднократные горячие протесты со стороны обоих братьев. Помню, что братья как-то одновременно выучили наизусть два стихотворения: старший брат «Графа Габсбургского»[1], а брат

[1] Знакомство братьев Достоевских с балладами В.А. Жуковского могло произойти по изданию: Баллады и повѣсти В.А. Жуковскаго. [Въ 2 ч.] Санктпетербургъ: Въ военной типографіи Главнаго штаба Его Императорскаго Величества, 1831. Жуковский, как любимый поэт родителей, несомненно, присутствовал в домашней библиотеке Достоевских: Андрей Михайлович отмечает, что вслух читались не только его стихотворения, но и «переводные статьи в прозе» [Воспоминания, 1930, с. 69]. Скорее всего, это был альманах Жуковского «Собиратель», вышедший в 1829 году в двух частях. Наряду со своими оригинальными произведениями, автор помещал здесь переводы прозаических фрагментов: «Взгляд на мир и на человека» неизвестного французского автора, «Смерть Адама» из собрания еврейских сказаний И. Г. Гердера, «Человек» и «Природа, преобразованная человеком» Бюффона, «Общество человеческое, преобразованное христианством» Ф.-Х.-А. Гассе и др. Учитывая религиозно-философскую и дидактическую направленность переводных статей Жуковского, выбор их для чтения в семье Достоевских был однозначно неслучаен.

Федор, как бы в параллель тому, — «Смерть Олега»[2] [Воспоминания, 1930, с. 69–70].

Исследователи отмечали влияние переводной баллады В.А. Жуковского на «Песнь о вещем Олеге» А.С. Пушкина [Лебедева, 2008, с. 366], а также то обстоятельство, что «соседство этой баллады с “Песнью...” оказалось зафиксированным в достаточно обыденном читательском сознании» [Немзер, 1987, с. 225]. Как яркий пример приводится эпизод с «параллельным» чтением произведений Жуковского и Пушкина братьями Достоевскими. Стоит подчеркнуть, что «соседство» двух баллад возникло в особой среде — в семье будущего писателя, где чтение, и в первую очередь совместное, — это одна из фундаментальных семейных традиций. Детям памятны не столько вечера, проведенные за книгой Карамзина, Пушкина, Лажечникова, сколько сопровождавшие это чтение рассуждения родителей [Воспоминания, 1930, с. 69], которые, несомненно, пробуждали мысль и могли натолкнуть на упомянутый выше декламационный эксперимент со стихами Жуковского и Пушкина.

Попробуем предположить мотивы юного Достоевского, выбравшего в качестве «ответа» Жуковскому «Песнь о вещем Олеге» Пушкина. Комментаторы Полного собрания сочинений В.А. Жуковского обращают внимание на ряд реминисценций, метрику и строфику в пушкинском стихотворении, близкие балладе Жуковского. В обоих произведениях основой сюжета становится летописное сказание. Герой баллады Жуковского — австрийский граф Рудольф фон Габсбург (1218–1291), избранный императором Священной Римской империи в 1273 году и ставший родоначальником австрийской королевской династии Габсбургов. Источник сюжета баллады — сказание швейцарского летописца Эгидия Чуди (ум. в 1572 году) [Жуковский, 2008, т. 3, с. 364]. Предполагаемый источник «Песни о вещем Олеге» — «Летописецъ русской отъ пришествія Рурика до кончины царя Іоанна Васильевича», изданный Н. Львовым в 1792 году [Немировская, 1949]. В семье Достоевских

[2] Впервые «Песнь о вещем Олеге» была опубликована в 1824 году в альманахе: Сѣверные цвѣты на 1825 годъ, собранные Барономъ Дельвигомъ, изданы Иваномъ Слѣнинымъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Департамента народнаго просвѣщенія. [1825]. С. 253–257. Ф.М. Достоевский, предположительно, мог познакомиться с ней в более позднем издании: Стихотворенія Александра Пушкина. Первая часть. Санктпетербургъ. Въ типографіи Департамента народнаго просвѣщенія. 1829. С. 145–150.

сюжет о князе Олеге дети знали, конечно же, благодаря «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.

Жуковский выступает переводчиком с немецкого языка на русский легендарного предания европейской истории, расставляя свои нравственно-идеологические акценты. Пушкин в «Песни о вещем Олеге» тоже своего рода переводчик — европейской балладной традиции на русскую историко-национальную почву. Можно сказать, здесь имеет место продолжение состязания Жуковского и Пушкина, которое в свое время ознаменовалось известным признанием «Победителю ученику от побежденного учителя». Предпринятая братьями Достоевскими поэтическая дуэль должна была утвердить и закрепить эту победу.

Еще одним чрезвычайно важным фактором в поэтическом выборе юного Достоевского могла стать историкоцентричность домашнего образования и воспитания. В «Дневнике писателя» 1873 года (главка «Одна из современных фальшей») Достоевский вспоминает:

> Я происходил из семейства русского и благочестивого. С тех пор как я себя помню, я помню любовь ко мне родителей. Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства. Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец. Каждый раз посещение Кремля и соборов московских было для меня чем-то торжественным [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 134].

Любовь к отечеству в семье Михаила Андреевича и Марии Федоровны Достоевских, как видим, была одной из необходимых добродетелей в деле воспитания детей. «История государства Российского» Карамзина при этом — настольная книга, и, по воспоминанию А.М. Достоевского, в семье «читались по преимуществу произведения исторические», среди которых, помимо Карамзина, — биография М.В. Ломоносова, написанная Ксенофонтом Полевым и опубликованная в 1836 году, из художественных произведений — «Юрий Милославский» М.Н. Загоскина (1829), «Ледяной дом» И.И. Лажечникова (1835), «Стрельцы» К.П. Масальского (1832). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в круге семейного чтения Достоевских — литературные новинки. Многотомное издание «Истории государства Российского» — это свой, домашний

экземпляр, по воспоминаниям А.М. Достоевского, который также отмечает: брат Федор перечитывал Карамзина постоянно, «когда не было чего-либо новенького» [Воспоминания, 1930, с. 69][3].

В этом контексте отстаивание звания Пушкина как первого русского поэта современности юным Достоевским становится понятным: перед нами русская баллада с национальным историческим персонажем и исключительно национальным пониманием трагической коллизии «человек и судьба» [Журавлева, 1970, с. 90–100]. Возвращаясь к статье Достоевского «Одна из современных фальшей», стоит отметить, что автобиографические отступления о «семействе русском и благочестивом» в ней стали антитезой к текущей, современной писателю ситуации, когда

> с самого первого детства своего <...> дети встречали в семействах своих один лишь цинизм, высокомерное и равнодушное (большею частию) отрицание; <...> слово «отечество» произносилось перед ними не иначе как с насмешливой складкой, <...> к делу России все воспитывавшие их относились с презрением или равнодушием; <...> великодушнейшие из отцов и воспитателей их твердили им лишь об идеях «общечеловеческих» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 134–135].

Карамзин, Пушкин в семейной библиотеке Достоевских — это прививка патриотизма. Мы видим, что в детские годы чтение Пушкина стало тем «сильным впечатлением», из которого впоследствии выросли важнейшие идеи творчества Достоевского-публициста.

Не последнюю роль в декламационном поединке братьев Достоевских играла, как нам представляется, и поэтическая сторона произведений Жуковского и Пушкина.

О.Б. Лебедева, комментатор баллады «Граф Гапсбургский» в Полном собрании сочинений В.А. Жуковского, пишет о строфе «Не мне управлять песнопевца душой ~ При звуках воспрянув, пылает»: «Мотивы и образы этой строфы оказали влияние на 13-ю строфу незаконченной поэмы А.С. Пушкина “Езерский”, а также на первую импровизацию итальянца в повести “Египетские ночи” (“Зачем

[3] Роль истории в жизни и творчестве Достоевского подробно рассматривается в работе: [Подосокорский, 2024а].

крутится ветр в овраге...")» [Жуковский, 1999– , т. 3, с. 368]. Это, несомненно, так. Однако ближайшим идейным отголоском стихов Жуковского становится, на наш взгляд, «ответ» Пушкина в «Песни о вещем Олеге», и сопоставление фрагментов позволяет услышать новый поэтический язык, который, по-видимому, также стал веским аргументом юного Достоевского в пользу первенства Пушкина:

Граф Гапсбургский:
Не мне управлять песнопевца душой
(Певцу отвечает властитель);
Он высшую силу признал над собой;
Минута ему повелитель...
[Жуковский, 1999–, т. 3, с. 139].

Песнь о вещем Олеге:
Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык,
И с волей небесною дружен
[Пушкин, 1977–1979, т. 2, с. 100].

Мы слышим полное совпадение метрики, чередующихся мужских и женских рифм, перекрестной рифмовки. Хотя дальше, заметим, поэты неизбежно расходятся: Жуковский пишет, как и в оригинале Шиллера, десятистишиями с последующей смежной и опоясывающей рифмовкой, в то время как Пушкин ограничивается шестистишиями, заключенными смежной рифмой. Главное, что на смену старомодной велеречивости Жуковского пришел лаконичный и емкий пушкинский слог, за которым — особые, новые для литературы характеры — не пассивного, а активного залога, если можно так выразиться: вместо «минута ему повелитель» — «вещий язык <...> с волей небесною дружен». Романтической идеализации правителя у Жуковского противостоит пафос сильной личности у Пушкина, в равной мере явленной в образах волхва и князя. Они предвещают «фантастический реализм» характеров Достоевского. Будущий писатель как читатель и чтец, можно предположить, откликнулся на нечто соприродное себе. Недаром А.М. Достоевский не раз отмечал «пылкость братнина характера»: «брат Федор был слишком горяч, энергично отстаивал свои убеждения и вообще был довольно резок на слова» [Воспоминания, 1930, с. 71]. Думается, что и устная декламация юного Достоевского отличалась уже той «напряженной восторженностью» (говоря словами Н.Н. Страхова), о которой вспоминали слушатели пушкинского «Пророка» в его исполнении на литературных вечерах 1880 года, в частности на Пушкинских торжествах в Москве. С.А. Венгеров так передает свое впечатление от услышанного: «Достоевский не имеет себе равного как чтеца. <...> когда читал Достоевский, слушатель <...> совершенно

терял свое “я”. <...> По разным поводам высказывался Достоевский о Пушкине и всякий раз чувствовалось то проникновение, то знание поэта, которое дается постоянным душевным общением с писателем» [Венгеров, 1915, с. 2]. Это общение началось, как мы видим, еще в ранние годы с тех «сильных впечатлений» читателя, которые формировали личность и творчество Достоевского.

Из прозы, читавшейся вслух на семейных вечерах Достоевских, это могли быть два издания: Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, изданныя А.П. Санктпетербургъ. Печатано в Типографiи Плюшара. 1831, а также: Повѣсти, изданныя Александромъ Пушкинымъ. Санктпетербург, печатано въ Типографiи Х. Гинце, 1834. Сюда, кроме «Повестей Белкина», были включены «Две главы исторического романа: 1. Ассамблея при Петре I. 2. Обед у русского боярина» и повесть «Пиковая дама». Скорее всего, в домашней библиотеке Достоевских было издание 1831 года. Именно оно появляется потом в первом романе «Бедные люди»: его Варенька Доброселова посылает Макару Девушкину:

> Федора мне достала книжку — «Повести Белкина», которую вам посылаю, если захотите читать. Пожалуйста, только не запачкайте и не задержите: книга чужая; это Пушкина сочинение. Два года тому назад мы читали эти повести вместе с матушкой, и теперь мне так грустно было их перечитывать [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 55].

На автобиографичность этого эпизода указывает упоминание Варенькой чтения «Повестей Белкина» с матушкой, что отсылает нас к традиции семейных чтений у Достоевских. Г.М. Фридлендер, комментируя роман «Бедные люди» в 30-томном Полном собрании сочинений Ф.М. Достоевского, отмечает то живое воздействие, которое оказала на бедного чиновника Макара Алексеевича повесть «Станционный смотритель»: «гуманизм Пушкина и его глубокое участие к Самсону Вырину находят в душе Девушкина благодарный отзвук» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 470]. Но это только одна сторона гения Пушкина, пленившего героя. Макара Алексеевича приводит в изумление и восторг художественное мастерство автора повести:

> И наконец, вот отчего еще я полюбил вашу книжку: иное творение, какое там ни есть, читаешь-читаешь, иной раз хоть тресни — так хитро, что как будто бы его и не понимаешь. Я, например, — я туп,

> я от природы моей туп, так я не могу слишком важных сочинений читать; а это читаешь, — словно сам написал, точно это, примерно говоря, мое собственное сердце, какое уж оно там ни есть, взял его, людям выворотил изнанкой, да и описал все подробно — вот как! Да и дело-то простое, Бог мой; да чего! право, и я так же бы написал; отчего же бы и не написал? Ведь я то же самое чувствую, вот совершенно так, как и в книжке, да я и сам в таких же положениях подчас находился, как, примерно сказать, этот Самсон-то Вырин, бедняга. Да и сколько между нами-то ходит Самсонов Выриных, таких же горемык сердечных! [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 59].

Высшая похвала поэту от читателя — «словно сам написал». А.М. Достоевский, вспоминая семейные чтения, говорит: «Все эти произведения остались у меня в памяти не по одному названию, а потому, что чтения эти часто прерывались рассуждениями родителей, которые и были мне более памятны» [Воспоминания, 1930, с. 69]. Вполне возможно, что в оценках Макара Алексеевича Девушкина в адрес Пушкина звучат воспоминания Достоевского о размышлениях родителей по поводу прочитанных «Повестей Белкина».

В дебютном романе «Бедные люди», помимо прямых параллелей с пушкинскими героями и сюжетными ситуациями, присутствует, как нам представляется, еще одна чисто автобиографическая деталь «личных взаимоотношений» Достоевского с Пушкиным, которого братья Михаил и Федор буквально ставили на пьедестал, вплоть до того, что, если бы не траур по маменьке Марии Федоровне, скончавшейся в одно время с поэтом, они готовы были носить траур по Пушкину [Воспоминания, 1930, с. 78–79]. Варенька, подробно описывая свое недавнее прошлое, вспоминает, как решила сделать подарок на день рождения соседа, студента Покровского, — собрание сочинений Пушкина в 11 томах, вышедшее уже после смерти поэта, в 1838–1841 годах[4]. В деталях воссозданная сцена покупки книг у букинистов в Гостином дворе, торговля с купцом, уступившем-таки Вареньке собрание сочинений за 32 с полтиною рубля серебром, не оставляет сомнений в том, что это личный опыт самого Достоевского, горячего поклонника Пушкина.

Есть еще один источник знакомства будущего писателя с Пушкиным. В мемуарах А.М. Достоевского читаем:

[4] Сочиненія Александра Пушкина. [11 томовъ.] Санктпетербургъ, въ Типографіи Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ; Типографія И. Глазунова и Ко, 1838–1841.

> Появлялись в нашем доме и книжки издававшейся в то время «Библиотеки для Чтения». Как теперь помню эти книжки, менявшие ежемесячно цвет своих обложек, на которых изображался загнутый верхний уголок с именами литераторов, поместивших статьи в этой книжке. Эти книги уже были исключительным достоянием братьев. Родители их не читали [Воспоминания, 1930, с. 69].

Если предположить, что семейную библиотеку собирал отец, Михаил Андреевич Достоевский, то, по-видимому, «Библиотека для чтения», как не заслуживающая внимания родителей, появилась в московской квартире Достоевских на Божедомке из частного пансиона Леонтия Ивановича Чермака, куда братья Михаил и Федор поступили в 1834 году. Это косвенно подтверждает в своих воспоминаниях А.М. Достоевский: старшие братья, приезжая на выходные домой, часто «садились за свои ломберные столы и предавались чтению; так же проводилось и воскресенье. <...> книг для чтения привозилось достаточно, так что братья постоянно проводили домашнее время за чтением» [Воспоминания, 1930, с. 68]. Именно в «Библиотеке для чтения» О.И. Сенковского, выходившей с 1834 года, печатались произведения Пушкина, с которыми мог познакомиться Достоевский. В первом томе было напечатано стихотворение «Гусар», во втором — «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», баллады «Будрыс и его сыновья» и «Воевода», повесть «Пиковая дама», в третьем томе помещено стихотворение «Красавица», в пятом — «Подражания древним», в шестом — «Элегия» 1830 года, в седьмом — отцензурованное Николаем I вступление к «Медному всаднику», названное «Петербург. Отрывок из поэмы» («На берегу пустынных волн...») и повесть «Кирджали». В следующем 1835 году «Библиотека для чтения» публикует «Сербскую песню», «Песни западных славян», «Сказку о Золотом петушке» и «Сказку о рыбаке и рыбке».

Вполне возможно, что из пансиона братья Достоевские привозили домой и отдельные издания произведений Пушкина, однако «Библиотеку для чтения» мы выделим как основной источник знакомства Достоевского с творчеством Пушкина. Есть свидетельство старшего брата М.М. Достоевского о значении журнала Барона Брамбеуса — Осипа Сенковского — для юных читателей:

> Мы помнимъ, тому уже очень давно, когда мы всѣ были, кто еще очень молодъ, а кто моложе, мы помнимъ, съ какимъ нетерпѣніемъ, бывало, ожидали выхода каждой изъ ея книжекъ. А какъ бывало восхищались ея стихотвореніями![5]

А.М. Достоевский вспоминает, что старшие братья знали почти всё из Пушкина наизусть, отмечая при этом поэтическую натуру Михаила и склонность к серьезным историческим произведениям Федора. Думается, что из напечатанного в «Библиотеке для чтения» будущий писатель выделял для себя в первую очередь произведения Пушкина, обращенные к отечественной и европейской истории. Ведь для зрелого Достоевского более важен станет именно Пушкин-историограф, Пушкин-выразитель национальных начал в русской литературе.

Если проследить присутствие Пушкина в произведениях Достоевского, то это будет выглядеть как стремительная геометрическая прогрессия. Удивительно, что в тот ранний период творчества, когда Пушкин для Достоевского — идеал, а в писательском ученичестве еще и наставник, ориентир, обращение к его творчеству носит эпизодический характер, на уровне скупых цитат или редких упоминаний имени поэта, если не считать первый роман «Бедные люди», где «Станционный смотритель» становится сюжетной канвой.

Осмысление Пушкина приходит к Достоевскому со временем, что ярко демонстрирует роман «Белые ночи», вернее, его первоначальный журнальный вариант 1848 года и публикация 1860 года в собрании сочинений. В монолог Мечтателя Достоевский при позднейшей переработке включает целый калейдоскоп читательских — и не только — впечатлений, ставших пищей для ума и сердца главного героя. В первой публикации романа в «Отечественных записках» нет следующего текста:

> Вы спросите, может быть, о чем он мечтает? К чему это спрашивать! да обо всем... об роли поэта, сначала не признанного, а потом увенчанного; о дружбе с Гофманом; Варфоломеевская ночь, Диана Вернон, геройская роль при взятии Казани Иваном Васильевичем, Клара Мовбрай, Евфия Денс, собор прелатов и Гус перед ними,

[5] Петербургскій телеграфъ. Сигналы литературные. Статья М. Достоевскаго // Пантеонъ и репертуаръ русской сцены издаваемый Ѳедоромъ Кони. СПб., 1848. Томъ III. Май. Книжка пятая. С. 73–74.

> восстание мертвецов в «Роберте» (помните музыку? кладбищем пахнет!), Минна и Бренда, сражение при Березине, чтение поэмы у графини В–й-Д–й, Дантон, Клеопатра e i suoi amanti[6], домик в Коломне, свой уголок, а подле милое создание, которое слушает вас в зимний вечер, раскрыв ротик и глазки, как слушаете вы теперь меня, мой маленький ангельчик... [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 116].

Обращает на себя внимание определенная закономерность в перечне имен и событий. Тематически они в основном группируются на исторические и литературные. Один из исторических источников для юного Достоевского — Карамзин[7], труд которого читали вслух родители на семейных вечерах, два других источника — литературные. Это любимые Достоевским Вальтер Скотт и Пушкин, авторы из его детской библиотеки. «Домик в Коломне» мог быть прочитан Достоевским по прижизненному изданию Пушкина: Поэмы и повѣсти Александра Пушкина. Часть вторая. Санктпетербургъ. Печатано въ Военной типографіи. 1835. С. 163–181. С упомянутой в монологе Мечтателя повестью «Египетские ночи» Достоевский познакомился уже будучи в Инженерном училище в Петербурге, поскольку произведение было опубликовано после смерти Пушкина в 1837 году[8].

Достоевский приводит в этом монологе преимущественно женские имена из романов Вальтера Скотта, и это не случайно: у «шотландского чародея» нередко именно женские персонажи

---

[6] «Клеопатра e i suoi amanti» — незакавыченная цитата из «Египетских ночей», незавершенной повести Пушкина, которую Достоевский ценил чрезвычайно высоко [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 132–138].

[7] О том, как реализовалось «детское чтение» Карамзина в творчестве Достоевского см.: [Подосокорский, 2024b].

[8] Современникъ, литературный журналъ А.С. Пушкина, изданный по смерти его, въ пользу его семейства кн. П.А. Вяземскимъ, В.А. Жуковскимъ, А.А. Краевскимъ, кн. В.Ѳ. Одоевскимъ и П.А. Плетневымъ. Томъ осьмой. Санктпетербургъ. Въ Гуттенберговой типографіи. 1837. С. 5–24. Комментаторы Полного собрания сочинений в 30 томах считают, что Достоевскому текст повести «Египетские ночи» был известен по более позднему Собранию сочинений Пушкина под редакцией П.В. Анненкова 1855 года (т. 5, с. 459–472) [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 301]. Следует отметить, что Достоевский читал повесть Пушкина только с одной стихотворной вставкой — именно той, что посвящена Клеопатре, в авторской редакции 1828 года. Ставшая привычной для нас первая стихотворная импровизация итальянца «Поэт идет — открыты вежды…» во второй главе публиковалась редакторами позднейших собраний сочинений Пушкина и Достоевскому была не известна: [Пушкин, 1924, с. 747]. Окончательный вариант этой импровизации, напечатанный, в частности, в десятитомном Полном собрании сочинений Пушкина (1977–1979), — это гипотетическая реконструкция, предложенная С.М. Бонди в книге: [Бонди, 1931, с. 196–197].

оказываются в центре повествования, являя собой образец верности, самоотвержения, человеческого достоинства. Неожиданно, на первый взгляд, в этом ряду оказывается царица Клеопатра. Героини Вальтера Скотта и Пушкина — то самое «сильное впечатление» юного читателя Достоевского. Клеопатра в пушкинской интерпретации — это, несомненно, предтеча женщин-инфернальниц Достоевского, и в первую очередь Настасьи Филипповны в романе «Идиот» (см.: [Касаткина, 1998][9]). Заметим, что соседство Вальтера Скотта и Пушкина в пределах одного текста встречается не раз. Настенька с бабушкой читает присланные жильцом книги Вальтера Скотта и Пушкина — [Достоевский, 1972–1999, т. 2, с. 122].

Исследователи отмечали важную роль «петербургских» поэм Пушкина в романе «Белые ночи»: «И обстановка действия повести, и образы ее героев овеяны поэтической атмосферой романтической лирики, а также пушкинских поэм о Петербурге — “Домика в Коломне” и “Медного всадника”. Впервые возникающее у Достоевского в “Петербургской летописи” и “Белых ночах” философско-историческое осмысление темы Петербурга, созданный писателем образ одинокого интеллигентного героя, чувствующего себя чужим и заброшенным в большом шумном городе, его скромные мечты о тихом “своем уголке”, рассказ Настеньки о жизни в доме бабушки, обращение к теме “белых ночей” для характеристики “призрачного” Петербурга, описания его каналов — места встреч Настеньки и Мечтателя, — всё это также овеяно поэтической атмосферой пушкинских поэм» [Достоевский, 1988–1996, т. 2, с. 559].

Следует отметить, что у Достоевского была возможность познакомиться только с цензурным вариантом «Медного всадника», где отсутствуют, в частности, мечты Евгения в начале поэмы:

Евгений тут вздохнул сердечно
И размечтался, как поэт:

[9] Однако, как это свойственно художественному мышлению Достоевского, его героиня становится в кульминационный момент своей судьбы антиподом пушкинского образа, на что справедливо указывает исследователь: «Вот от себя — Клеопатры и бежит с ужасом Настасья Филипповна в объятия и под нож Рогожина. Она выбирает себя — закланного Агнца (как, наверно, помнят читатели, фамилия Настасьи Филипповны — Барашкова), она выбирает воскресение в смерти (Анастасия — “воскресшая”), готовая на любую искупительную жертву, лишь бы только вырваться из мира “Египетских ночей”, где, как, к несчастью, считают многие весьма квалифицированные читатели (А. Волынский, например), и есть ее настоящее место» [Касаткина, 1998, с. 21].

«Жениться? Мне? зачем же нет?
Оно и тяжело, конечно;
Но что ж, я молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов;
Уж кое-как себе устрою
Приют смиренный и простой
И в нем Парашу успокою.
Пройдет, быть может, год-другой —
Местечко получу, Параше
Препоручу семейство наше
И воспитание ребят...
И станем жить, и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба,
И внуки нас похоронят...»
[Пушкин, 1977–1979, т. 4, с. 278].

А.Л. Бем, называя Достоевского гениальным читателем Пушкина, отмечал главное свойство его творческого дара: «Достоевский, читая и перечитывая Пушкина, волнуясь и спеша, переживал в себе не только его отдельные образы, не только возбуждался его идейными темами, но и схватывал с полунамека всю глубину возможного развития только намеченных им положений. <...> исторического Пушкина вовсе и нет, а есть Пушкин неисчерпаемых возможностей, прозрачные воды гениальности которого скрывают такие глубины, заглянуть в которые помог нам равноценный ему по своей гениальности писатель. Здесь подлинно — гений гению весть подает!» [Бем, 2001, с. 44, 50].

Обращаясь к исключенному В.А. Жуковским фрагменту в «Медном всаднике», мы видим, насколько конгениально Достоевский реконструировал недостающий эпизод в своих произведениях. Невысказанные мечты о честном труде и тихих семейных радостях носит в себе Макар Девушкин; они тенью надежды предстают перед Мечтателем накануне личной катастрофы; князь Мышкин в знаменитой сцене говорит Настасье Филипповне: «Я вас... Настасья Филипповна... люблю. Я умру за вас, Настасья Филипповна. Я никому не позволю про вас слова сказать, Настасья Филипповна... Если мы будем бедны, я работать буду, Настасья Филипповна...» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 138], чем вызывает смех присутствующих. Во всех случаях Достоевский показал глубочайшее проникновение

в сущность характера пушкинского героя, поразившего его в юные годы.

Возвращение к Пушкину при повторной публикации раннего романа говорит про усиливающееся с годами идейно-художественное влияние поэта на творчество Достоевского, переход от эмоционального восприятия к осмыслению места и роли Пушкина и в русской действительности, и в общечеловеческом контексте. Это происходило в русле целостного идейного становления Достоевского. Для него «драгоценные воспоминания детства» со временем наполнялись онтологическим смыслом как основа нравственного бытия человека.

«...Столько высоких и прекрасных впечатлений...»

Рядом с именем Пушкина в ряду детских читательских впечатлений Федора Михайловича стоит еще одно имя. Семейный биограф А.М. Достоевский пишет:

> В руках брата Феди я чаще всего видал Вальтер Скотта: «Квентина Дорварда»[10] и «Ваверлея»[11], у них были собственные экземпляры, и вот их-то он перечитывал неоднократно, несмотря на тяжелый и старинный перевод. Такому же чтению и перечитыванию подвергались и все произведения Пушкина [Воспоминания, 1930, с. 69].

Это соседство, эта параллель (Пушкин — Вальтер Скотт) в круге раннего чтения Достоевского неслучайны. Охватившая

[10] Кентень Дюрвардъ, или Шотландецъ при дворѣ Людовика XI. Историческій романъ Сира Вальтера Скотта. Переводъ А.И. Писарева. Ч. 1–4. Москва: Въ Типографіи Императорскаго Московскаго Театра, 1827 года. У содержателя А. Похорскаго. Биобиблиографический указатель фиксирует только один, указанный выше, перевод 1827 года [Вальтер Скотт, 1958, с. 45]. Однако «Северная пчела» сообщает своим читателям: «Извѣщаемъ господъ занимающихся переводами Романовъ Вальтера Скотта, что одинъ изъ лучшихъ его Романов Квантенъ Дурвардь, уже переведенъ на Русскій языкъ одною почтенною и образованною дамою, и поступилъ въ Печать. Съ удовольствіемъ извѣщаемъ, что это переводъ дамы, которая посвятила домашнія досуги на занятія Литературою: примѣръ похвальный и достойный подражанія. Русская Словесность понынѣ весьма мало привлекала нашихъ дамъ не только для занятій, но и для чтенія» (Северная пчела. 1827. № 4). Можно предположить, что речь идет о переводчице с английского А.Н. Дубельт, публиковавшейся под псевдонимом Анна Ситникова, в частности, в «Библиотеке для чтения». Еще один перевод «Квентина Дорварда» на русский язык тоже мог быть доступен Достоевскому: Квентинъ Дорвардъ. Съ послѣдующими примечаніями и прибавленіями автора. Переводъ съ англійскаго Крейчера. Санктпетербургъ, в Типографіи Жернакова, 1835.

[11] Веверлей, или Шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Сочиненіе Сира Валтера Скотта. Москва: Въ Типографіи Императорскаго Московскаго Театра, 1827 года. У содержателя Н. Степанова.

читающую публику 1820-х – 1830-х годах мода на Вальтера Скотта не миновала и Пушкина, и его младшего современника Достоевского. «Шотландский чародей» дал Пушкину сюжетные коллизии, например, по наблюдению Д.П. Якубовича, для «Повестей Белкина» [Якубович, 1926] и структуру исторического романа [Якубович, 1939]. Для Достоевского романы Вальтера Скотта стали источником духовно-нравственного воздействия, о чем он вспоминает в письме Н.Л. Озмидову 18 августа 1880 года:

> 12-ти лет я в деревне, во время вакаций, прочел всего Вальтер-Скотта, и пусть я развил в себе фантазию и впечатлительность, но зато я направил ее в хорошую сторону и не направил на дурную, тем более, что захватил с собой в жизнь из этого чтения столько прекрасных и высоких впечатлений, что, конечно, они составили в душе моей большую силу для борьбы с впечатлениями соблазнительными, страстными и растлевающими. <...> Вальтер-Скотт <...> имеет высокое воспитательное значение [Достоевский, 1972–1990, т. 30_1, с. 212].

В этом автобиографическом признании Достоевский говорит о двояком эффекте книг Вальтера Скотта: с одной стороны, — это развитие «фантазии и впечатлительности», направленных потом на собственное литературное творчество[12], а с другой, — стойкая прививка «прекрасных и высоких впечатлений» на всю последующую жизнь, когда Вальтер Скотт — наставник и воспитатель, заветы которого, наряду с родительскими, дают силы противостоять соблазнам жизни. А.С. Долинин, комментируя оценку Достоевским романов Вальтера Скотта, пишет: «Достоевский имеет в виду одну присущую только им особенность, на которую обратили внимание современники и которой столь гордился сам Автор “Уэверли”, — их, так сказать, безупречную нравственность» [Долинин, 1988, с. 150]. Добавим, что не последнюю роль в любви к «уэверлеевым романам» Достоевского, склонного, как мы помним, к чтению серьезному,

[12] Показательны в этом отношении явно автобиографические воспоминания в фельетоне 1861 года «Петербургские сновидения в стихах и в прозе»: «Прежде в юношеской фантазии моей я любил воображать себя иногда то Периклом, то Марием, то христианином из времен Нерона, то рыцарем на турнире, то Эдуардом Гляндeнингом из романа “Монастырь” Вальтер Скотта, и проч., и проч. И чего я не перемечтал в моем юношестве, чего не пережил всем сердцем, всей душою моей в золотых и воспаленных грезах, точно от опиума. Не было минут в моей жизни полнее, святее и чище» [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 70].

сыграла их идейная направленность как романов исторических: «В. Скоттъ <...> есть выразитель <...> силы, зиждущей внутри, хранящей и соблюдающей. Это неизмѣнная вѣра в свое великое протекшее; это безконечная любовь къ нему, доходящая до благоговѣнія»[13]. Впоследствии сам Достоевский, перечисляя «прекрасное в веке», так охарактеризует эту сторону творчества великого шотландца: «Вальтер Скотт не легитимист, а осмысленное, высшее сердечное примирение после ненависти к прошлому» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 133].

Какие издания романов Вальтера Скотта могли быть доступны Достоевскому в 1830-е годы, в частности летом 1834 года во время каникул в Даровом? В силу чрезвычайной популярности произведения Вальтера Скотта активно переводились в Европе и в России еще при жизни писателя, скончавшегося в 1832 году, когда и начинается «даровской» период жизни Достоевского [Вальтер Скотт, 1958]. Русские переводы большинства его романов и прозаические переложения поэм появились уже в 1820-е годы, поэтому «весь Вальтер Скотт» в воспоминаниях Достоевского — это не преувеличение, а данность, ограниченная лишь возможностями семьи по части приобретения книг. Хотя, как мы говорили выше, книги с 1834 года Михаил и Федор Достоевские привозили домой из пансиона Чермака. С ретроспективной точки зрения (упоминание и творческое осмысление в произведениях), в 1830-е годы Федор Михайлович, кроме «Квентина Дорварда» и «Уэверли», мог прочитать романы «Айвенго», «Властитель островов», «Гай Мэннеринг», «Кенильворт», «Ламмермурская невеста», «Монастырь», «Пират», «Пуритане», «Роб Рой», «Сент-Ронанские воды», «Эдинбургская темница».

А.М. Достоевский отмечает «тяжелый и старинный перевод» романов Вальтера Скотта. Речь, несомненно, идет о русских переводах, но не с английского, а с французского языка. Именно Франция в лице переводчика О.-Ж.-Б. Дефоконпре станет первооткрывателем Вальтера Скотта не только для европейского и русского читателя, но и для английского: романы были наполнены шотландским диалектом, малопонятным для англичан. Д.П. Якубович однозначно относит доступные Достоевскому романы «Ивангое»

[13] Шевыревъ С. Взглядъ русскаго на современное образованіе Европы // Москвитянинъ. 1841. Часть I. №1. С. 236.

(1826), «Веверлей» (1827), «Кентень Дюрвард» (1827), «Монастырь» (1829) к переводам с французского языка [Якубович, 1930, с. 165–167]. Критики не преминули оценить «достоинства» этих переводов, преимущественно московских: «Московскіе Гг. Переводчики Романовъ не очень усильно старались ознакомить с нимъ <Вальтером Скоттом> нашихъ Русскихъ читателей. Участь сего знаменитаго Писателя въ рукахъ сихъ Гг. Переводчиковъ достойна сожалѣнія: они <...> переводили его по Лексикону съ Французскаго, т. е. какъ попало, не вникая ни въ духъ его сочиненій, ни въ слогъ даже Французскихъ переводовъ <...>»[14]

Что представлял собой дважды переведенный Вальтер Скотт, прочитанный Достоевским, можно проследить на примере первого романа знаменитого шотландца — «Уэверли», который по-русски был напечатан в 1827 году. «Северная пчела» на первой своей странице помещает объявление о книжной новинке: «*Веверлей, или шестьдесятъ лѣтъ назадъ; С.В. Скотта.* М., въ типогр. Императорскаго Московскаго Театра у Н. Степанова. 1827 г. въ 8 д. л., 4 части: 214, 194, 185 и 180 стр. {Продается въ книжной лавкѣ П.П. Глазунова по 12 р.}.

Вотъ и еще переводъ одного изъ лучшихъ произведеній пера Шотландскаго Барда, и переводъ довольно хорошій. Во 2-й части на стр. 63 и 147 приложенные стихи, заслуживаютъ вниманіе своею легкостію и силою выраженія; жаль только, что они лишены риѳмъ, столь украшающихъ лирическую Поэзію. — Проза довольно плавна и не богата барбаризмами, коими наполняются нѣкоторые изъ нашихъ *современныхъ* Поэмъ и Журналовъ. *Рдкп»*[15].

Одним из достоинств русского перевода редакция называет минимум варваризмов, в данном случае старошотландского диалекта, активное присутствие которого в романах Вальтера Скотта, по замыслу автора, и призвано было составить их национальный колорит.

Особенностью французского перевода романа «Уэверли» стала адаптация многосложного языка Вальтера Скотта к легкой и непринужденной французской речи: упрощался синтаксис, исключались авторские примечания и малопонятные диалектизмы,

[14] Сынъ Отечества, журналъ литературы, политики и современной исторіи, издаваемый Николаемъ Гречемъ и Ѳаддеемъ Булгаринымъ. Часть сто тринадцатая. Санктпетербургъ, в Типографіи Н. Греча. 1827. С. 66–67.

[15] Съверная Пчела, 1827. № 120 (6 октября). С. 1.

давался вольный перевод поэтических текстов ради сохранения рифмы. Сопоставление текста оригинала, французского и последующего русского перевода романа однозначно говорит о том, что Достоевский познакомился в детстве с добросовестно изложенной по-русски французской интерпретацией Вальтера Скотта. Первым доказательством становится само название романа и прочие имена собственные, встречающиеся в тексте: Эдуард Веверлей, барон Козьма Комин Бредвардин, Давид Джеллатрей и т. п. — явные фонетические признаки усвоения французским языком английских Эдвард Уэверли (Edward Waverley), барон Козмо Комин Брэдуордин (Cosmo Comyne Bradwardine), Дэвид Геллатли (David Gellatley), перенесённых на русскую почву.

Приведем ряд параллельных примеров из главы IX первой части, чтобы наглядно представить, в каком виде до юного Достоевского дошел Вальтер Скотт.

Вот описание замка барона Брэдуордина.

Эдинбургское издание романа «Уэверли» (1815):

> Placed in the middle of the terrace, between a sashed-door opening from the house and the central flight of steps, a huge animal of the same species supported on his head and fore paws a sun-dial of large circumference, inscribed with more diagrams than Edward's mathematics enabled him to decypher. (Помещенное посреди террасы между створчатой дверью, ведущей из дома, и центральной лестницей, огромное животное того же вида поддерживало на голове и в передних лапах солнечные часы большой окружности, испещренные бóльшим количеством диаграмм, чем математика Эдварда позволила ему расшифровать.)[16]

Парижское издание в переводе Дефоконпре (1826):

[16] [Scott Walter]. Waverley; or 'tis sixty years since. In three volumes. Fifth edition. Vol. I. Edinburg. Printed by James Ballantyne and Co. 1815. P. 114. Подстрочный перевод автора статьи. Полный художественный перевод романа выполнен И.А. Лихачевым для 20-томного Собрания сочинений Вальтера Скотта: «Посреди террасы, между застекленной дверью дома и центральной лестницей, стоял огромный зверь той же породы, подпиравший головой и передними лапами широкие солнечные часы, покрытые таким хитросплетением геометрических линий и фигур, что их не могли истолковать скромные математические способности Уэверли» [Скотт, 1960, т. 1, с. 120].

Il y en avoit un sur la terrasse vis-à-vis de la porte du château et de l'escalier du milieu, qui soutenoit avec sa gueule et avec l'une de ses pattes un énorme cadran solaire chargé de plus de figures de mathématiques qu'Edouard n'en put déchiffrer. (На террасе напротив ворот замка и средней лестницы был и такой, который поддерживал мордой и одной из своих лап огромные солнечные часы, заполненные бóльшим количеством математических цифр, чем Эдуард смог расшифровать.)[17]

Русский перевод 1827 года:

одинъ помѣщенъ былъ на террасѣ противъ двери замка и средней лѣстницы поддерживая одною лапою огромные солнечные часы съ математическими изображеніями, коихъ Эдуардъ не могъ разобрать[18].

Далее следует характеристика домашнего юродивого и портрет мажордома.

Английский текст:

A strange guide this, thought Edward, and not much unlike one of Shakespeare's roynish clowns. I am not over prudent to trust to his pilotage; but wiser men have been led by fools. By this time he reached the bottom of the alley, where, turning short on a little parterre of flowers, shrouded from the east and north by a close yew hedge, he found an old man at work without his coat, whose appearance hovered between that of an upper servant and gardener; his red nose and ruffled shirt belonging to the former profession; his hale and sunburnt visage, with his green apron, appearing to indicate

"Old Adam's likeness, set to dress this garden"[19].

(— Странный проводник, подумал Эдвард, — и мало чем отличается от одного из шекспировских убогих шутов. Я не слишком

[17] Waverley, ou il y a soixante ans, par sir Walter Scott; traduit de l'anglais par A. J. B. Defauconpret, traducteur des romans historiques de Sir Walter Scott, des romans américains de Cooper, etc. Paris, Charles Gosselin, libraire de son Altesse royale Monseigneur le duc de Bordeaux, rue Saint-Germain-des-Prés, no 9. M DCCC XXVI. Tome premier. P. 105. Современный перевод с французского С.А. Савостиной.

[18] Веверлей, или Шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Сочиненіе Сира Валтера Скотта. С. 91–92.

[19] [Scott Walter]. Waverley; or 'tis sixty years since. P. 120.

благоразумен, доверяя ему вести себя, но и более мудрых людей вели дураки.

К этому времени он добрался до конца аллеи, где, свернув к небольшому цветочному партеру, окруженному с востока и севера невысокой тисовой изгородью, он увидел за работой старика без куртки, чей облик колебался между старшим слугой и садовником; его красный нос и рубашка с оборками свидетельствовали о принадлежности к первой профессии; его крепкое и загорелое лицо, вкупе с зеленым фартуком, казалось, указывало на то, что он,

«Наподобие ветхого Адама, призван украсить этот сад»[20].

Французский перевод:

J'ai un guide d'une nature bien extraordinaire, disoit le jeune militaire en lui-même; il ressemble assez aux paysans bouffons de Shakspeare: j'ai peut-être tort de suivre ses traces; mais que de sages se sont laissés conduire par des fous! Ils arrivèrent au bout de l'allée; et après avoir fait un petit détour, ils entrèrent dans le parterre, protégé contre le vent du nord par une épaisse haie d'ifs. Edouard y trouva un vieillard occupé à bêcher la terre; il avoit quitté son habit, et l'on ne pouvoit dire, à sa mise, à sa tournure, si c'étoit un officier du château, ou simplement un jardinier. Son teint hâlé annonçoit qu'il travailloit habituellement en plein air; mais son nez rubicond et bourgeonné indiquoit d'autres occupations; cependant son tablier près que usé démontroit

Qu'en digne fils d'Adam il cultivoit la terre[21].

(Мой проводник весьма необычного характера, сказал себе молодой военный; он очень похож на шутовских крестьян Шекспира: я, может быть, и ошибаюсь, идя вслед за ним; но сколько мудрецов позволили вести себя безумцам! Они дошли до конца аллеи и, сделав небольшой крюк, подошли к партеру, защищенному от северного ветра густой живой изгородью из тиса. Эдуард нашел там старика,

[20] В современной переводе И.А. Лихачева: «"Странный вожатый, — подумал Эдуард, — и порядком смахивающий на одного из жалких шутов Шекспира. Я поступаю не слишком благоразумно, доверяясь его руководству, но и людей поумнее меня водили дураки".

Между тем он спустился до конца аллеи, где, повернув к небольшому цветнику, защищенному с востока и с севера густой изгородью тиса, увидел старика, работавшего без верхней одежды. По внешности это был слуга не то высшего разряда, не то садовник. Красный нос и плоеная рубашка изобличали в нем представителя первой профессии, между тем как здоровое и загорелое лицо и зеленый фартук, видимо, говорили за то, что

Он, как Адам, возделывал свой сад» [Скотт, 1960, т. 1, с. 123].

[21] Waverley, ou il y a soixante ans, par sir Walter Scott. P. 109–110.

занятого копанием земли; он сбросил свою одежду, и нельзя было сказать по его походке и по тому, как он повернулся, был ли это старший слуга в замке или просто садовник. Его загорелый цвет лица говорил о том, что он обычно работает на свежем воздухе; но его румяный и цветущий нос указывал на другие занятия; однако его поношенный фартук демонстрирует

Что, как достойный сын Адама, он возделывает землю.)

Русское издание:

— У меня странный путеводитель, подумалъ Эдуардъ; онъ походитъ довольно на глупыхъ мужиковъ Шекспира. Мнѣ не надобно бы ходить за нимъ; но сколько дураковъ водятъ умныхъ! Они подошли къ концу аллеи и, сдѣлавъ маленькой обходъ, взошли въ партеръ, защищаемый отъ вѣтра тиссовымъ плетнемъ. Эдуардъ нашелъ тамъ старика, роющаго землю заступомъ; платье его было скинуто, и не льзя разобрать, служитель ли это за́мка, или просто садовникъ. Его загорѣлое лицо показывало, что онъ обыкновенно трудился на воздухѣ; но красный носъ открывалъ и другія упражнения[22].

Последний пример наиболее ярко показывает, какие содержательные и, как следствие, смысловые метаморфозы претерпевал оригинальный текст на пути к русскому читателю: убогие шуты Шекспира превратились в глупых мужиков, утрачены интересные детали и поэтические цитаты. Что касается «варваризмов», то они естественным образом исчезли уже во французском тексте, по-видимому, как малоинтересная экзотика. Тем не менее при всех своих недостатках, русский перевод сохранил и вальтер-скоттовские афоризмы, и оригинальный юмор писателя, сопровождающий характеристики персонажей:

Мнѣніе ихъ не было справедливѣе мнѣнія Негровъ, думающихъ, что обезьяны не говорятъ, опасаясь, что ихъ заставятъ работать[23].

Главное, что доносил русский текст до юного Достоевского, — это захватывающий сюжет, в основе которого духовное становление

[22] Веверлей, или Шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Сочиненіе Сира Валтера Скотта. С. 95–96.

[23] Там же. С. 138.

и нравственный выбор главного героя в условиях восстания якобитов 1745 года. Отклик в душе будущего писателя мог найти и романтически-книжный характер Эдварда Уэверли, и его внутренние борения при столкновении с некнижно реальной жизнью:

> Онъ чувствовалъ, что обида сдѣлана ему — дворянину, Офицеру, носящему имя Веверлея. Правда, думалъ онъ, обидѣвшій меня былъ въ несостояніи управлять разсудкомъ, и ежели я потребую удовлетворенія, то нарушу божескіе и человѣческіе законы; я лишу жизни молодаго человѣка, который, можетъ быть, оказалъ бы большія услуги отечеству, внесу печаль въ его семейство, могу самъ погибнуть подъ его ударами. — Какъ бы кто ни былъ храбръ, но это примѣненіе, разсмотрѣнное хладнокровно и безъ свидѣтелей, покажется очень непріятно[24].

Капитан английской армии, примкнувший к мятежу сторонников Стюартов, осознает ошибочность своего поступка, однако бежать из лагеря в виду близящегося окружения и разгрома считает бесчестием и трусостью. Уэверли глубоко переживает семейную трагедию полковника Толбота, осознавая себя причиной его страданий и плена. Будучи сам обвинен в государственной измене, Эдвард надеется выхлопотать для вождя мятежников Фёргюса Мак-Ивора смягчение наказания. Заметим, что это и многое другое в сюжете романа и характере главного героя предвосхищает «Капитанскую дочку» Пушкина и при чтении юным Достоевским ложится на благодатную почву.

Хорошо разработанная в литературоведении тема «Достоевский и Вальтер Скотт» сосредоточена в первую очередь на реминисценциях и прямых заимствованиях. Так, Е.Н. Дрыжакова обосновывает прямую связь между миром романных фантазий Вальтера Скотта и образами мечтателей в ранних произведениях Достоевского, начиная с дебютных «Бедных людей» [Дрыжакова, 2008]. Э.М. Жилякова отмечает, что «Вальтер-скоттовский критерий человечности как нормы морали <...> был усвоен Достоевским и получил развитие в разработке важнейших вопросов современности <...>» [Жилякова, 2014b, с. 262].

[24] Там же. С. 127.

В исторических романах Вальтера Скотта, о которых упоминает младший брат писателя, — «Квентин Дорвард» и «Уэверли» — юного Достоевского привлекали, как мы понимаем, в первую очередь «неисторические» герои, частные лица, те, что у Пушкина воплотились в Петруше Гриневе и прошли испытания «впечатлениями соблазнительными, страстными и растлевающими». Причем герои «шотландского чародея» и их поступки могли восприниматься будущим писателем сквозь призму пушкинских идей, на что указывают исследователи [Жилякова, 2014b, с. 262].

Какие же «прекрасные и высокие впечатления» мог вынести юный Достоевский из своих любимых романов Вальтера Скотта? Заглавные герои этих произведений — шотландский стрелок Квентин Дорвард на службе французского короля Людовика XI и Эдвард Уэверли, офицер кавалерийского полка во время восстания якобитов 1745 года — живут в разные эпохи. Однако в обоих героях ярко выражено романтическое начало, оба наделены благородством помыслов и отличаются храбростью. Роднит их и самая притягательная для Достоевского черта — бескорыстно-рыцарского и самозабвенного служения даме сердца. На наш взгляд, именно Вальтеру Скотту, которого Достоевский постоянно перечитывал в детстве, мы обязаны появлением двух благородных рыцарей — Макара Девушкина в «Бедных людях» и рассказчика-мечтателя в «Белых ночах», способных принести себя в жертву любимой женщине. Апофеозом современного рыцарства у Достоевского станет, как известно, князь Мышкин, литературно вобравший в себя и Пушкина с его «Жил на свете рыцарь бедный...», и Вальтера Скотта, не без влияния которого это стихотворение возникло, и «Дон Кихота» Сервантеса. Однако за столь невероятным переносом европейской исторической и романной традиции на русскую современную и, заметим, чрезвычайно приземленную, бытовую, негероическую почву стоит Пушкин, «Пушкин как указание», по определению самого Достоевского. От Пушкина Достоевский воспринял способность видеть в конкретно-историческом явлении общечеловеческий смысл и уникальную манеру усвоения опыта предшественников, при которой вырабатывается писательская индивидуальность.

Достоевский отмечает воздействие романов Вальтера Скотта на свой собственный характер (развил фантазию, но закалился для борьбы с соблазнами жизни). В письме племяннице С.А. Ивановой,

которой писатель посвятил роман «Идиот» о «положительно прекрасном человеке», он говорит:

> к Вам я привязан особенно, и привязанность эта основывается на особенном впечатлении, которое очень трудно анатомировать и разъяснить. Мне Ваша сдержанность нравится, Ваше врожденное и высокое чувство собственного достоинства и сознание этого чувства нравится (о, не изменяйте ему никогда и ни в чем; идите прямым путем, без компромиссов в жизни. Укрепляйте в себе Ваши добрые чувства, потому что и все надо укреплять, и стоит только раз сделать компромисс с своею честию и совестию, и останется надолго слабое место в душе, так что чуть-чуть в жизни представится трудное, а, с другой стороны, выгодное — тотчас же и отступите перед трудным и пойдете к выгодному. Я не общую фразу теперь говорю; то, что я говорю, теперь у меня самого болит; а о слабом месте я Вам говорил, может быть, по личному опыту. Я в Вас именно, может быть, то люблю, в чем сам хромаю). Я в Вас особенно люблю эту твердую постановку чести, взгляда и убеждений, постановку, разумеется, совершенно натуральную и еще немного Вами самими сознанную, потому что Вы и не могли сознать всего, по Вашей чрезвычайной еще молодости [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 250].

Честь и совесть в романном мире Вальтера Скотта — главенствующие идеи. В личных поступках Достоевского можно видеть не только следствие семейного воспитания, но и самовоспитания на произведениях шотландского писателя. В высшей степени благородный поступок — решение Достоевского взять на свое обеспечение пасынка Павла Исаева и семьи брата Михаила:

> Все дела семейства брата, — пишет он 29 июля 1864 года А.М. Достоевскому, — в большом расстройстве. Дела по редакции (огромные и сложные дела) — всё это я принимаю на себя. Долгов много. У семейства — ни гроша и все несовершеннолетние. Все плачут и тоскуют, особенно Эмилия Федоровна, которая, кроме того, еще боится будущности. Разумеется, я теперь им слуга. Для такого брата, каким он был, я и голову и здоровье отдам [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 96].

В первом, журнальном варианте неоконченной повести «Неточка Незванова» присутствует очень важная для понимания Достоевским Вальтера Скотта характеристика его романов. Она, собственно, выявляет квинтэссенцию идейного их содержания, с точки зрения

Достоевского, который дарит своей героине собственные читательские открытия:

> Жизнь моя в чужой семье слишком сильно отражалась в первых впечатлениях моего сердца, и потому чувство семейственности, так опоэтизированное в романах Вальтер-Скотта, чувство, во имя которого создались они, чувство, доведенное до высочайшего исторического значения, представленное как условие сохранения всего человечества, проведенное во всех романах его с такою любовью, слишком сладко, слишком сильно втеснилось в мое сердце на отклик моих же воспоминаний, моих же сетований [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 450–451].

Современный исследователь, объясняя исключение этого фрагмента из публикации 1860 года, считает, что опоэтизированное Вальтером Скоттом чувство семейственности в новых обстоятельствах показалось Достоевскому несвоевременным, и, как следствие, к нему как к недостижимому идеалу писатель отнесся с «поэтическим снисхождением» [Дрыжакова, 2010, с. 325]. Об этом говорит, по мнению автора работы, факт исчезновения имени Вальтера Скотта со страниц романов Достоевского 1860-х – 1870-х годов.

Думается, что дело обстоит иначе. Всё лично дорогое, интимное, но чрезвычайно важное в идейном смысле неявно присутствует в романах и публицистике зрелого Достоевского на уровне устойчивого художественного образа или автобиографического воспоминания, а подготовительные материалы к произведениям подтверждают это присутствие[25]. И чем дальше, тем больше это скрытое присутствие связано с ранней биографией писателя, его детством, знаками которого становится «семейство русское и бла-

[25] Герой нереализованного «Жития великого грешника» «ужасно много читал (Вальтер Скотт и проч.)» [Достоевский, 1972–1990, т. 9, с. 132], Подросток в рукописных редакциях романа «с наслаждением погрязал в вони», рядом с которой стоит «меж тем другой мир книжный, Вальтер Скотт, мечтательный. Зажечь (мечта). (NB. Кроме того, придумать тут еще мечту.) Придумать благородное дело» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 180]. Как раз в подготовительных материалах к роману «Подросток» Достоевский сформулировал свою писательскую стратегию: «Чтобы написать роман, надо запастись прежде всего *одним* или *несколькими* сильными впечатлениями, пережитыми сердцем автора действительно» [Достоевский, 1972–1990, т. 16, с. 180, с. 10]. «Вонь» и «мечта» — два нравственных полюса, о которых Достоевский говорит уже применительно к себе в процитированном выше письме Озмидову: чтение Вальтера Скотта в детстве уберегло его от «впечатлений соблазнительных, страстных и растлевающих».

гочестивое», родительское имение Даровое, детская библиотека с «воспитателем» Вальтером Скоттом. Так, ни в рассказе «Мужик Марей» «Дневника писателя» 1876 года, главное событие которого происходит в Даровом, ни в посвящённой последней поездке в Даровое главке в июльско-августовском номере за 1877 год Достоевский, говоря об исключительном значении Дарового в своей личной судьбе, не называет его «по имени», ограничившись общим понятием «деревня» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 47] или парафразом «это маленькое и незамечательное место» [Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 173]. «Чувство семейственности» — главная, по Достоевскому, отличительная черта сочинений Вальтера Скотта, в виде фундаментальной идеи присутствует в романах «великого пятикнижия», сквозной темой проходит через «Дневник писателя». Но при этом она наполняется глубоко национальным и одновременно общечеловеческим содержанием. Любовь и взаимопонимание, трепетная забота друг о друге, самопожертвование во имя близкого человека — этим «чувство семейственности» у Достоевского уже не ограничивается[26], поскольку над всем, по его убеждению, должна стоять общая идея — но не замкнутой, обособленной в себе «малой церкви». Отметим весьма показательный ряд, который выстраивает Достоевский в воспоминании о собственном семействе, «русском и благочестивом», где рядом с родительской любовью поставлены Евангелие, «История» Карамзина, Кремль и соборы московские. Перед нами идея воспитательная, некогда воплощенная «нелениевым отцом»[27] Михаилом Андреевичем Достоевским, сопрягающая родительскую любовь, любовь к Богу, любовь к Отечеству. Это та «животворящая святыня», без которой, по Пушкину, невозможно

[26] Э.М. Жилякова пишет, что у Вальтера Скотта «“чувство семейственности” является центром авторского внимания и целью повествования, охватывая в своем развитии величайшие события и становясь выражением гуманных чувств и представлений», а вальтер-скоттовский герой «получил в творчестве Достоевского поэтичное воплощение как решение проблемы единства идей исторического и гуманного развития общества» [Жилякова, 2023, с. 98, 105]. Мы не отрицаем гуманистическое начало в романах Вальтера Скотта и Достоевского, однако думаем, что сводить только к нему идеи двух писателей недостаточно.

[27] «Ленивые отцы» — главная беда современного Достоевскому русского общества 1870-х годов: «ленивое отношение к делу, вялые и ленивые отцы, эгоисты: “Э, пусть будет, что будет, чего нам заботиться, пойдут дети, как и все, во что-нибудь выровняются, надоедают только они очень, хоть бы их вовсе и не было!”. Таким образом, в результате — беспорядок, раздробленность и *случайность* русского семейства, — а надежда — почти что на одного Бога: “Авось, дескать, пошлет нам какую-нибудь общую идейку, и мы вновь соединимся!”» [Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 179].

«самостоянье человека», а по Достоевскому, существование здорового общества и жизнеспособность нации.

Дорожные впечатления писателя в июле 1877 года во время последней поездки в Даровое дали материал для объяснения понятия «случайное семейство»:

> Спросят: что такое эта *случайность* и что я под этим словом подразумеваю? Отвечаю: случайность современного русского семейства, по-моему, состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи, в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующей их самих между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь. Заметьте еще: эта идея, эта вера — может быть, даже, пожалуй, ошибочная, так что лучшие из детей впоследствии сами бы от нее отказались, по крайней мере, исправили бы ее для своих уже детей, но всё же самое присутствие этой общей, связующей общество и семейство идеи — есть уже начало порядка, то есть нравственного порядка, конечно, подверженного изменению, прогрессу, поправке, положим так, — но порядка» [Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 178–179].

Достоевский не пишет, в чем конкретно должна состоять «общая для всех отцов идея», однако достаточно уже того, что эта идея призвана связать «общество и семейство» и она залог «нравственного порядка».

Когда Достоевский в своей знаменитой речи 1880 года говорит о главнейшей национальной черте Пушкина, то неизбежно он «проговаривается» о себе и своем творчестве. Всеотзывчивость Достоевского пушкинского толка, обращается ли он к наследию своего великого предтечи или воплощает высоконравственные идеи Вальтера Скотта. Истоки же этой всеотзывчивости — в детском чтении, доставившем Достоевскому «сильные впечатления».

Список литературы

1. Бем, 2001 — *Бем А.Л.* Достоевский — гениальный читатель // *Бем А.Л.* Исследования. Письма о литературе / сост. С.Г. Бочаров. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 35–57.

2. Бонди, 1931 — *Бонди С.М.* Новые страницы Пушкина. Стихи, проза, письма. М.: Мир, 1931. 208 с.

3. Бочаров, 1999 — *Бочаров С.Г.* Французский эпиграф к «Евгению Онегину». Онегин и Ставрогин; Праздник жизни и путь жизни. Сотый май и тридцать лет. Кубок жизни и клейкие листочки // *Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 152–226.

4. Венгеров, 1915 — *Венгеров С.* Стать настоящим русским — значит стать братом всех людей (Из речи «Пушкин и Достоевский», сказанной на вечере, посвященном Достоевскому, 25 апреля 1914 года в зале городской Думы) // Русь. 1915. 27 апреля.

5. Викторович, 2018 — *Викторович В.А.* Путь русской литературы от Пушкина к Достоевскому // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 1. С. 12–20.

6. Викторович, 2024 — *Викторович В.А.* Манифест русской культуры: за и против // Пушкинская речь Ф.М. Достоевского как историческое событие / сост. В.А. Викторович. М.: Альма Матер, 2024. С. 697–725.

7. Вальтер Скотт, 1958 — Вальтер Скотт. Биобиблиографический указатель к 125-летию со дня смерти. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1958. 84 с.

8. Воспоминания, 1930 — Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 432 с.

9. Долинин, 1988 — *Долинин А.С.* История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М.: Книга. 1988. 315 с.

10. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

11. Достоевский, 1988–1996 — *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. Т. 2. 590 с.

12. Дрыжакова, 2008 — *Дрыжакова Е.Н.* По живым следам Достоевского: факты и размышления. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 514 с.

13. Дрыжакова, 2010 — *Дрыжакова Е.Н.* Достоевский и Вальтер Скотт // Художественный перевод и сравнительное изучение культур (памяти Ю.Д. Левина). СПб.: Наука, 2010. С. 316–326.

14. Жилякова, 2014a — *Жилякова Э.М.* Роман в письмах и письмо в романе // *Жилякова Э.М.* Шотландские страницы. Эхо Вальтера Скотта в русской литературе XIX века: Очерки. Томск: Изд-во Томского университета, 2014. С. 96–118.

15. Жилякова, 2014b — *Жилякова Э.М.* Ф.М. Достоевский и В. Скотт (к вопросу о наполеоновском мифе) // *Жилякова Э.М.* Шотландские страницы. Эхо Вальтера Скотта в русской литературе XIX века: Очерки. Томск: Изд-во Томского университета, 2014. 261–277.

16. Жилякова, 2023 — *Жилякова Э.М.* Вальтер Скотт и Ф.М. Достоевский // Творчество Вальтера Скотта в пространстве мировой культуры: коллективная монография / ред. И.О. Волков. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2023. С. 92–105.

17. Жуковский, 1999 – — *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Яз. рус. культуры, 1999– (изд. продолжается).

18. Журавлева, 1970 — *Журавлева А.И.* «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина // Пушкин и его современники. Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Псков, 1970. Т. 434. С. 90–100.

19. Касаткина, 1998 — *Касаткина Т.А.* «Ценою жизни ночь мою...». Пушкинская цитата в «Идиоте» Достоевского // Московский пушкинист: Ежегод. сб. М.: Наследие, 1998. Вып. V. С. 6–21 URL: https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/mp5/mp5-016-.htm (дата обращения: 23.09.2024).

20. Касаткина, 1999 — *Касаткина Т.А.* Пушкинская цитата в романах Достоевского // Пушкин и теоретико-литературная мысль. М.: ИМЛИ-Наследие, 1999. С. 328–354.

21. Касаткина, 2024 — *Касаткина Т.А.* «Мы с ним Пушкина читали, всего прочли»: Пушкин издания Анненкова в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 110–138. https://doi. org/10.22455/2619-0311-2024-3-110-138

22. Лебедева, 2008 — *Лебедева О.Б.* Комментарий к балладе В.А. Жуковского «Граф Гапсбургский» // *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч.: и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 2008. Т. 3: Баллады. С. 363–368.

23. Немзер, 1987 — *Немзер А.С.* «Сии чудесные виденья...» // *Зорин А.Л., Зубков Н.Н., Немзер А.С.* Свой подвиг совершив: О судьбе произведений Г.Р. Державина, К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского. М.: Книга, 1987. 384 с.

24. Немировская, 1949 — *Немировская К.А.* «Песнь о вещем Олеге» и летописное сказание // К 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина: (1799–1949): сборник статей. Л., 1949. Т. 76. С. 13–56.

25. Подосокорский, 2024a — *Подосокорский Н.Н.* История в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 98–125. https://doi. org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-98-125

26. Подосокорский, 2024b — *Подосокорский Н.Н.* «История» Н.М. Карамзина в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 31–63. https://doi. org/10.22455/2619-0311-2024-3-31-63

27. Пушкин, 1924 — *Пушкин А.С.* Сочинения. Л.: Гос. изд-во, 1924. 508 с.

28. Пушкин, 1977–1979 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л.: Наука. 1977–1979.

29. Скотт, 1960 — *Скотт В.* Собр. соч.: в 20 т. М.; Л.: Худож. лит., 1960. Т. 1: Уэверли. 640 с.

30. Степанян-Румянцева, 2020 — *Степанян-Румянцева Е.В.* Литературный портрет: от Пушкина к Достоевскому // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4(12). С. 86–104. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-86-104

31. Якубович, 1926 — *Якубович Д.П.* Предисловие к «Повестям Белкина» и повествовательные приемы Вальтер Скотта // Пушкин в мировой литературе: Сб. ст. Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 160–187.

32. Якубович, 1930 — *Якубович Д.П.* Роль Франции в знакомстве России с романами Вальтера Скотта // Язык и литература. Л.: АН СССР, 1930. Т. V. С. 137–184.

33. Якубович, 1939 — *Якубович Д.П.* «Капитанская дочка» и романы Вальтера Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: АН СССР, 1939. № 4–5. С. 165–197.

References

1. Bem, A.L. “Dostoevskii — genial’nyi chitatel’” [Dostoevsky: A Brilliant Reader”]. Bem, A.L. *Issledovaniia. Pis’ma o literature* [*Research. Letters About Literature*]. Ed. by S.G. Bocharov. Moscow, Iazyki slavianskoi kul’tury Publ., 2001, pp. 35–57. (In Russ.)

2. Bondi, S.M. *Novye stranitsy Pushkina. Stikhi, proza, pis’ma* [*Pushkin’s New Pages. Verses, Prose, Letters*]. Moscow, Mir Publ., 1931. 208 p. (In Russ.)

3. Bocharov, S.G. “Frantsuzskii epigraf k ‘Evgeniiu Oneginu’. Onegin i Stavrogin. Prazdnik zhizni i put’ zhizni. Sotyi mai i tridtsat’ let. Kubok zhizni i kleikie listochki” [“French Epigraph

to *Eugene Onegin*. Onegin and Stavrogin. The Feast of Life and the Way of Life. The Hundredth of May and Thirty Years. The Cup of Life and Sticky Leaves"]. Bocharov, S.G. *Siuzhety russkoi literatury* [*The Plots of Russian Literature*]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, pp. 152–226. (In Russ.)

4. Vengerov, S. "Stat' nastoiashchim russkim — znachit stat' bratom vsekh liudei (Iz rechi 'Pushkin i Dostoevskii', skazannoi na vechere, posviashchennom Dostoevskomu, 25 aprelia 1914 goda v zale gorodskoi Dumy)" ["To Be a Real Russian Means to Be the Brother of All People (From the Speech 'Pushkin and Dostoevsky,' Delivered at the Evening Dedicated to Dostoevsky, April 25, 1914, in the Hall of the City Duma)"]. *Rus'*, 1915, 27 April. (In Russ.)

5. Viktorovich, V.A. "Put' russkoi literatury ot Pushkina k Dostoevskomu" ["The Path of Russian Literature from Pushkin to Dostoevsky"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 1, 2018, pp. 12–20. (In Russ.)

6. Viktorovich, V.A. "Manifest russkoi kul'tury: za i protiv" ["Manifesto of Russian Culture: Pros and Cons"]. Viktorovich, V.A., editor. *Pushkinskaia rech' F.M. Dostoevskogo kak istoricheskoe sobytie* [*Pushkin's Speech by F.M. Dostoevsky as a Historical Event*]. Moscow, Izdatel'skaia gruppa "Al'ma Mater" Publ., 2024, pp. 697–725. (In Russ.)

7. *Val'ter Skott. Biobibliograficheskii ukazatel' k 125-letiiu so dnia smerti* [*Walter Scott. Biographical and Bibliographic Index to the 125th Anniversary of His Death*]. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoiuznoi knizhnoi palaty Publ., 1958. 84 p. (In Russ.)

8. *Vospominaniia Andreia Mikhailovicha Dostoevskogo* [*The Memoirs by Andrei Mikhailovich Dostoevsky*]. Leningrad, Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade Publ., 1930. 432 p. (In Russ.)

9. Dolinin, A.S. *Istoriia, odetaia v roman: Val'ter Skott i ego chitateli* [*A Story Dressed in a Novel: Walter Scott and His Readers*]. Moscow, Kniga Publ., 1988. 315 p. (In Russ.)

10. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

11. Dostoevskii, F.M. *Sobranie sochinenii v 15 tomakh* [*Collected Works: in 15 vols*], vol. 2. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 590 p. (In Russ.)

12. Dryzhakova, E.N. *Po zhivym sledam Dostoevskogo: fakty i razmyshleniia* [*In the Living Footsteps of Dostoevsky: Facts and Reflections*]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2008. 514 p. (In Russ.)

13. Dryzhakova, E.N. "Dostoevskii i Val'ter Skott" ["Dostoevsky and Walter Scott"]. *Khudozhestvennyi perevod i sravnitel'noe izuchenie kul'tur (pamiati Iu.D. Levina)* [*Literary Translation and Comparative Study of Cultures (in Memory of Yu.D. Levin)*]. St. Petersburg, Nauka, St. Petersburg Publishing Company, 2010, pp. 316–326. (In Russ.)

14. Zhiliakova, E.M. "Roman v pis'makh i pis'mo v romane" ["A Novel in Letters and a Letter in a Novel"]. Zhiliakova, E.M. *Shotlandskie stranitsy. Ekho Val'tera Skotta v russkoi literature. Ocherki* [*The Scottish Pages: The Echo of Walter Scott in Russian Literature. Essays*]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2014, pp. 96–118. (In Russ.)

15. Zhiliakova, E.M. "F.M. Dostoevskii i V. Skott (k voprosu o napoleonovskom mife)" ["F.M. Dostoevsky and W. Scott (On the Question of the Napoleonic Myth)"]. Zhiliakova, E.M. *Shotlandskie stranitsy. Ekho Val'tera Skotta v russkoi literature. Ocherki* [*The Scottish Pages: The Echo of Walter Scott in Russian Literature. Essays*]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2014, pp. 261–277. (In Russ.)

16. Zhiliakova, E.M. "Val'ter Skott i F.M. Dostoevskii" ["Walter Scott and F.M. Dostoevsky"]. Volkov, I.O., editor. *Tvorchestvo Val'tera Skotta v prostranstve mirovoi kul'tury: kollektivnaia*

monografiia [*The Work of Walter Scott in the Space of World Culture: A Collective Monograph*]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2023, pp. 92–105. (In Russ.)

17. Zhukovskii, V.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 tomakh* [*Complete Works and Letters: in 20 vols*]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999—continuing publication. (In Russ.)

18. Zhuravleva, A.I. "'Pesn' o veshchem Olege' A.S. Pushkina" ["'The Song of Prophetic Oleg' by A.S. Pushkin"]. *Pushkin i ego sovremenniki. Uchenye zapiski LGPI im. A.I. Gertsena* [*Pushkin and His Contemporaries. Scholarly Notes of the Leningrad State Pedagogical Institute Named after A.I. Herzen*], vol. 434. Pskov, 1970, pp. 90–100. (In Russ.)

19. Kasatkina, T.A. "'Tsenoiu zhizni noch' moiu...'. Pushkinskaia tsitata v 'Idiote' Dostoevskogo" ["'A Night with Me at the Cost of Their Life'. Pushkin's Quote in Dostoevsky's *The Idiot*"]. *Moskovskii pushkinist: Ezhegodnyi sbornik* [*The Moscow Pushkinist: Yearly Collection*], vol. 5. Moscow, Nasledie Publ., 1998, pp. 6–21. Available at: https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/mp5/mp5-016-.htm (Accessed 23 Sept. 2024). (In Russ.)

20. Kasatkina, T.A. "Pushkinskaia tsitata v romanakh Dostoevskogo" ["Pushkin's Quote in Dostoevsky's Novels"]. *Pushkin i teoretiko-literaturnaia mysl'* [*Pushkin and Theoretical Literary Thought*]. Moscow, IWL-Nasledie Publ., 1999, pp. 328–354. (In Russ.)

21. Kasatkina, T.A. "'My s nim Pushkina chitali, vsego prochli': Pushkin izdaniya Annenkova v romane 'Idiot'" ["'We Read Pushkin Together, We Read it All': Annenkov's Edition of Pushkin's Works in the Novel *The Idiot*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (27), 2024, pp. 110–138. (In Russ.) https://doi. org/10.22455/2619-0311-2024-3-110-138

22. Lebedeva, O.B. "<Kommentarii k ballade V.A. Zhukovskogo 'Graf Gapsburgskii'>" ["<Commentary on V.A. Zhukovsky's Ballad 'Count Gapsburgsky'>"]. Zhukovskii, V.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 tomakh* [*Complete Works and Letters: in 20 vols*], vol. 3: Ballady [Ballads]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2008, pp. 363–368. (In Russ.)

23. Nemzer, A.S. "Sii chudesnye viden'ia..." ["These Wonderful Visions..."]. Zorin, A.L., Zubkov, N.N., and A.S. Nemzer. *Svoi podvig sovershiv: O sud'be proizvedenii G.R. Derzhavina, K.N. Batiushkova, V.A. Zhukovskogo* [*Having Accomplished His Feat: On the Fate of G.R. Derzhavin, K.N. Batyushkov and V.A. Zhukovsky*]. Moscow, Kniga Publ., 1987. 384 p. (In Russ.)

24. Nemirovskaia, K.A. "'Pesn' o veshchem Olege' i letopisnoe skazanie" ["'The Song of Prophetic Oleg' and the Legend of the Annuals"]. Grinkova, N.P., editor. *K 150-letiiu so dnia rozhdeniia A.S. Pushkina: (1799–1949)* [*To the 150th Anniversary of the Birth of A.S. Pushkin (1799–1949)*], vol. 76. Leningrad, 1949, pp. 13–56. (In Russ.)

25. Podosokorskii, N.N. "Istoriia v zhizni i tvorchestve F. M. Dostoevskogo" ["History in the Life and Work of Fyodor Dostoevsky"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 3, 2024, pp. 98–125. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-98-125

26. Podosokorskii, N.N. "'Istoriia' N.M. Karamzina v romane F.M. Dostoevskogo 'Idiot'" ["Nikolay Karamzin's *History* in Fyodor Dostoevsky's Novel *The Idiot*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (27), 2024, pp. 31–63. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-31-63

27. Pushkin, A.S. *Sochineniia* [*Works*]. Leningrad, Gos. izd-vo Publ., 1924. 508 p. (In Russ.)

28. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [*Complete Works: in 10 vols*]. Leningrad, Nauka Publ. (In Russ.)

29. Scott, Walter. *Sobranie sochinenii: v 20 tomakh* [*Collected Works: in 20 vols*], vol. 1. Moscow; Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1960. 640 p. (In Russ.)

30. Stepanian-Rumiantseva, E.V. “Literaturnyi portret: ot Pushkina k Dostoevskomu” [“The Literary Portrait from Pushkin to Dostoevsky”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (12), 2020, pp. 86–104. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-86-104

31. Iakubovich, D.P. “Predislovie k ‘Povestiam Belkina’ i povestvovatel’nye priemy Val’ter Skotta” [“Preface to *The Belkin Tales* and Walter Scott’s Narrative Techniques”]. *Pushkin v mirovoi literature: Sbornik statei* [*Pushkin in World Literature: Collected Articles*]. Leningrad, Gos. isd-vo Publ., 1926, pp. 160–187. (In Russ.)

32. Iakubovich, D.P. “Rol’ Frantsii v znakomstve Rossii s romanami Val’tera Skotta” [“The Role of France in Introducing Walter Scott’s Novels to Russia”]. *Iazyk i literatura* [*Language and Literature*], vol. 5. Leningrad, AN SSSR Publ., 1930, pp. 137–184. (In Russ.)

33. Iakubovich, D.P. “‘Kapitanskaia dochka’ i romany Val’tera Scotta” [“The Captain’s Daughter and Walter Scott’s Novels”]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii* [*Pushkin. The Annals of the Pushkin Commission*], no. 4–5. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1939, pp. 165–197. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 27.06.2024
Одобрена после рецензирования: 21.07.2024
Дата публикации: 25.03.2025

The article was submitted: 27 June 2024
Approved after reviewing: 21 July 2024
Date of publication: 25 Mar. 2025